

ИЗГАРСКАЯ Анна Анатольевна — доктор философских наук; ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; aizgarskaya@gmail.com)

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЯДРУ МИРОСИСТЕМЫ

Аннотация. В статье на основе миросистемного подхода исследована проблема интеграционных возможностей современной России. Анализ данной проблемы актуален в русле решения неоднократно обозначенных президентом России В.В. Путиным задач по созданию многополярного и более справедливого мироустройства. Проведен сравнительный анализ интеграционных возможностей современной России и Советского Союза. Обозначены условия, способствовавшие росту интеграционного потенциала государства в советский период, и указаны причины его снижения на современном этапе.

Ключевые слова: миросистемный подход, встраивание, геокультура, евразийство, раскол элит

...то, что государства пытаются объединить, мир-экономика разрывает на части.

*T. Hopkins, I. Wallerstein*¹

Введение. Выступая 11 июля 2024 г. на пленарном заседании X Парламентского форума БРИКС, президент Российской Федерации В.В. Путин отметил важность данной организации «для формирования более справедливого, демократичного, многополярного и многостороннего миропорядка» и указал на «ожесточенное сопротивление правящих элит государств так называемого золотого миллиарда», стремящихся «в лучших традициях классического капитализма... диктовать свою волю другим»². Президент прав, критикуя неравенство и несправедливость современного мироустройства. Он прав и в том, что только посредством объединения прогрессивных международных сил можно изменить глобальный порядок на более эгалитарный. Поднятая президентом проблема получила горячий отклик и активно обсуждается отечественным научным сообществом.

Вклад данной статьи весьма скромнен. Статья не претендует на обобщение результатов полемики, и в ее содержании нет готовых рекомендаций для политической элиты. Центральная проблема статьи выросла из очевидной аналогии, которая обнаруживается при сравнении современной ситуации и советского периода существования России. Сравнивая современную Россию и Россию как системообразующее общество советской системы, достаточно легко увидеть не только их подобие в противостоянии мировому порядку, но и общность черт в их относительной автономии по отношению к экономике и капиталу стран ядра, а также в стремлении создать широкий международный блок антисистемных государств. Однако следует признать, что, прилагая немало усилий для развития связей со странами БРИКС, евразийского пространства, Азии и Африки, правительство современной России не достигло того успеха в интеграции антисистемных сил, который был у нее в советском

---

¹ Hopkins T. K., Wallerstein I. Patterns of Development of the Modern World-System. — Review. 1977. Vol. 1. No. 2. P. 113.

² Выступление Владимира Путина на пленарном заседании X Парламентского форума БРИКС. — Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. 11.07.2024. Доступ: <http://duma.gov.ru/news/59672/> (проверено 03.08.2024).

прошлом. Международные позиции СССР были настолько сильны, что в начале 1970-х гг. возможность перехода к новому мироустройству не казалась утопией¹. Брошенный же в середине декабря 2021 г. российской политической элитой вызов мировой системе² и последовавшие события специальной военной операции (СВО) не вызвали образования широкого, подобного советскому периоду, блока антисистемных сил. Очевидно, что интеграционный потенциал России сегодня слабее. В чем различия интеграционных возможностей СССР и современной России? Почему интеграционный потенциал в эпоху советского противостояния мировой системе был внушительнее? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Теоретическая база исследования. Если ответы на поставленные вопросы мы будем искать в очевидных отличиях прошлого и настоящего России, например, укажем на то, что СССР был могущественным социалистическим государством, а современная Россия является капиталистическим обществом с соответствующей ему политической надстройкой, мы не погрешим против истины, однако мало что проясним. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо раскрыть систему причин, обусловивших различия в уровне интеграционных возможностей.

Проблема интеграции имеет довольно длительную историю исследования. Значительная часть исследований процессов интеграции сосредоточена в теории международных отношений. В XX в. интеграция понималась и как способ достижения государствами необходимого для выживания в условиях межгосударственной анархии баланса сил³, и как результат роста транснациональных отношений, способствующих развитию институтов регуляции и практик сотрудничества между государствами [Mitrany 1948; Haas 1961; Keohane 1988]. В последнее десятилетие XX в. вопросы интеграции начинают исследоваться во множестве работ, посвященных проблемам формирования Европейского союза и глобализации. Теоретические основания данного исследования будем заимствовать в миросистемном подходе (И. Валлерстайн, Т. Хопкинс, Дж. Арриги и др.). Интеграция здесь выступает в качестве одного из основных динамических свойств миросистемы⁴ – пространственно-временного образования, чей пространственный охват совпадает с циклически воспроизводящейся во времени системой разделения труда, которая интегрирует и поляризует человечество в иерархически организованные, социально-экологические ниши (ядро, полупериферия и периферия), создающие для включенных в них обществ «внешнее принуждение, определяющее пределы выживания» [Балибар, Валлерстайн 2003: 262]. В миросистемном подходе проблема интеграции была приоритетной уже на первоначальном этапе его становления. В 1977 г. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн отмечали, что интеграция является «центральной структурной чертой всей капиталистической мир-экономики» [Hopkins, Wallerstein 1977: 116]. При этом и термин «баланс сил», и представление о роли транснациональных отношений в современных

¹ Это нашло отражение в теории конвергенции. Возможность смены мирового порядка в 1974 г. допускал И. Валлерстайн [Валлерстайн 2015: 429].

² Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. Проект. – *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 17.12.2012. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/tso/nato/1790818 (проверено 03.08.2024).

³ В парадигме политического реализма, заложенной Г. Моргантау.

⁴ Основными свойствами также являются: циклы пространственного расширения и сжатия; рост производственных возможностей и накопления капитала; преобразование и организация общественных отношений [Hopkins, Wallerstein 1977: 112].

процессах глобализации здесь включены в более обширную проблематику капиталистической мир-экономики. Как отметил Э. Балибар, глобализация в мир-системе не является современным процессом, она «является одной из внутренних (или “системных”) характеристик капитализма» [Balibar 2022: 46]. Описываемая последние десятилетия в многочисленной литературе глобализация является лишь очередным «циклическим эпизодом в истории современной мир-системы» [Валлерстайн 2018: 242]. Миросистемный анализ, таким образом, в сравнении с концепциями конкурирующих парадигм увеличивает историческую перспективу исследования глобализации, которая предстает как повторяющийся этап максимального расширения капиталистической мир-экономики¹. Следует подчеркнуть методологические преимущества миросистемного подхода. В этом отношении Э. Вэнхоут (*E. Vanhaute*) отметил: «В исследованиях модернизации и глобализации мир-системный анализ избежал центральных для других подходов категориальных бинарностей. Он предполагает возможность параллельных, но расходящихся путей развития и подчеркивает непрерывные, а не дихотомические процессы» [Wallerstein 2.0... 2023: 20].

Несмотря на существенные преимущества миросистемного подхода необходимо понимать, что общая теория, которая бы позволила объяснять изменения в интеграционных потенциалах различных государств, здесь отсутствует. И. Валлерстайн отмечал, что «мыслит миросистемный анализ как перспективу, а не как некоторую теорию» [Wallerstein 2000: 126]. В результате миросистемный подход довольно часто позволяет лишь описать контуры конкретной проблемы и предлагает исследователю заняться совершенствованием теоретического инструментария. Такая задача, во-первых, требует некоторой систематизации миросистемных идей об интеграции. В качестве основы для систематизации будем использовать описанные Дж. Тернером способы интеграции – власть, культуру, обмен, встраивание [Turner 2010: 290-291]. В культуре Дж. Тернер выделяет четыре интеграционных составляющих, а именно «язык, ценности, институциональные идеологии и метаидеологии» [Turner 2010: 291]. В данном исследовании рассмотрим только три метаидеологии геокультуры Модерна – консерватизм, либерализм, социализм. Способы, указанные Дж. Тернером, представляют собой четыре группы исторически обусловленных, разнообразных, работающих на интеграцию миросистемы механизмов. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн в этом отношении отмечали: «Концепция ядра–полупериферии–периферии внутри себя безразлична к конкретным механизмам, посредством которых различные, отдельные производственные процессы непрерывно интегрируются в единую мировую социальную систему или мировую социальную экономику» [Hopkins, Wallerstein 1977: 117]. Миросистемный характер механизмов интеграции проявляется в том, что их различающиеся в конкретных ситуациях наборы служат формированию и закреплению неравенства между обществами и внутри них. Во-вторых, совершенствование теоретического инструментария становится возможным посредством синтеза миросистемных положений с конструкциями не конкурирующих с ним теорий. В данной статье идеи миросистемного подхода дополним теорией геополитической динамики Р. Коллинза [Коллинз 2015: 78-130].

---

¹ В предисловии к русскому изданию первого тома «Мир-система Модерна» ученик И. Валлерстайна Г.М. Дерлугьян называет подлинно глобальной «колониальную» глобализацию конца XIX в. [Валлерстайн 2015: viii-ix].

Базовая идея интеграции в миросистемном подходе опирается на идею К. Маркса о тенденции капитализма к расширению¹. При расширении миросистемы (в фазе «А») движение капитала из ядра на периферию способствует росту социального неравенства и формированию в периферийных обществах оторванных от интересов широких масс элит. Сжатие миросистемы (фаза «Б») происходит в результате оттока капитала из неядерных экономик в более безопасные ниши, в результате чего социальный разрыв в неядерных обществах сокращается, и перед лицом общей (мнимой или реальной) опасности возрастает способность к солидаризации социальных классов². Поскольку Россия является территориально обширной полупериферией, то для описания ее динамики будем использовать концепцию двух стратегий Дж. Арриги [Arrighi 1990]. Согласно данной концепции, за последние десятилетия Россия дважды претерпела смену стратегий своего развития. Распад советской системы ознаменовал переход российского общества от стратегии «борьбы против эксплуатации» (разрыв с миросистемой) к стратегии «борьбы против исключения» (встраивание в миросистему). Стратегия встраивания определяла развитие страны до 2014 г., далее противостояние России с ядром постепенно усиливается и происходит смена стратегии на противоположную.

Результаты исследования.

Встраивание и обмен. Высокому уровню интеграционного потенциала СССР способствовали два фактора, характеризующие состояние миросистемы и советского общества. Во-первых, распад колониальной системы сопровождался оттоком капитала из бывших колоний в ядро. Будучи следствием Второй мировой войны, вынудившей правительства метрополий отказаться от восстановления старого механизма господства, распад колониальной системы в 1960-е гг. способствовал оттоку капитала и смене элит в бывших колониях. В цикле развития миросистемы это соответствовало фазе «Б». В результате в условиях высокополяризованной миросистемы в целом ряде новых, получивших свободу стран временно снизилось социальное неравенство и произошло сближение социальных классов «в общей зональной оппозиции к ядру» [Bergesen, Bata 2002: 141]. Противостояние ядру сплачивает население периферийных стран, «классы и местные социальные группы встают плечом к плечу в общую оппозицию» [Bergesen, Bata 2002: 142]. В условиях распада колониального мира, формировавшего на протяжении столетий высокий уровень глобального неравенства и неравенства внутри обществ, Советский Союз предлагал проект общества с низким неравенством между людьми, построенный на принципах социальной справедливости и отсутствия эксплуатации человека человеком. СССР смог возглавить глобальную оппозицию стран, чьи элиты, будучи близки народным массам, проявили способность принять идею социального равенства и начать процесс национального строительства, став частью системы социализма. Иными словами, состояние миросистемы давало пространство для роста интеграционных возможностей СССР. Во-вторых, советская интеграция была обусловлена внутренним фактором. Стратегия разрыва предполагала создание относительно автономной системы разделения труда, что требовало от общества «широкого спектра видов деятельности» [Arrighi

¹ Идея присутствует в статьях К. Маркса, посвященных британскому владычеству в Индии. Она получила развитие в работе «Накопление капитала» Р. Люксембург (1913) и статье В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916).

² Проверку взаимосвязей на эмпирических данных см. [Bergesen, Bata 2002].

1990: 17]. Интеграция новых обществ была одним из способов формирования такого спектра¹. Экономические взаимосвязи стран, создание смежных производств, обмен товарами обеспечивали устойчивость системе. Следует отметить, что СССР был главным поставщиком природных ресурсов в СЭВ, но, будучи могущественной промышленной державой, в середине 1970-х гг. он поставлял в страны социализма 3/4 промышленной продукции, в т.ч. 1/2 продукции машиностроения всей системы [Хрущев 1979: 62].

Современная Россия провозглашает идею интеграции антисистемных сил в совершенно иных внешних условиях. Фаза «Б» не наблюдается, ситуация оттока капитала с периферий отсутствует. Стратегия встраивания продолжает превалировать в международной политике. Для создания глобальной оппозиции нет условий, поскольку элиты полупериферийных и периферийных стран формируют свое благополучие на связях неравного обмена с ядром. Этим объясняется неоправданность надежд на противостояние ядру стран БРИКС. Как отмечает А.С. Гарсиа, эти государства «не смогли сформулировать идеологическую альтернативу неолиберализму, они не смогли сформировать институты, способные создать глобальный порядок на более справедливых и экологических основаниях» [García 2017: 501]. По отношению к странам, которые тяготели к России, государства ядра довольно успешно сочетают политику «кнута» вторичных санкций с политикой «пряника», предлагая выгодное сотрудничество, увеличивая инвестиции, открывая прямые авиарейсы и т.д. Помимо России, лишь небольшое число стран мира в результате санкций не имеют доступа к инвестициям, рынкам и технологиям ядра. Санкции – один из механизмов поддержания господства ядра в мир-системе. Гегемон и государства ядра способны не только встраивать страны в международную систему разделения труда, они способны регулировать их доступ к самым богатым рынкам и передовым технологиям [Arrighi 1990: 18]. Получивший оформление в виде санкций разрыв России с экономиками ядра является результатом применения этого механизма.

Фактор, игравший в советский период роль внутреннего, экономически обусловленного двигателя интеграции, также отсутствует. Стратегия встраивания способствовала специализации экономики страны в международной системе разделения труда. В результате задача расширения спектра видов деятельности перестала быть актуальной. Появилась другая задача. Успех встраиваемой экономики зависит от того, как эффективно она может вытеснить из ниш своей специализации менее мощных конкурентов [Arrighi 1990: 18]. При этом средства вытеснения могут быть не только экономическими – государства в этих целях могут использовать дипломатическое давление, вооруженные силы и др. Россия и бывшие «братские» республики были вынуждены конкурировать за успех в определенных экономических нишах, в т.ч. и между собой, особенно там, где структура их экспорта совпадала. Именно это обстоятельство создавало трудности в отношениях стран, входящих в СНГ, блокировало многолетние усилия в сфере интеграции ЕАЭС.

В целом, следует подчеркнуть, что современная Россия в мир-системе остается не встраиваемым, как это было в советский период, а последовательно встраиваемым в международную систему разделения труда обществ. Экономика России занимала полупериферийные позиции, поскольку, несмотря на происшедшую после распада СССР трансформацию структуры

¹ Процесс интеграции не всегда был мирным, примером может быть череда восстаний в странах, включенных в систему социализма по результатам Второй мировой войны.

общественного производства, она производила свойственные ядру наукоемкие товары и поставляла их в страны периферии, а товары уровня периферий (сырьевые ресурсы) — в страны ядра. Однако в текущих условиях Россия вынуждена заменять утраченные отношения с ядром связями с экономиками полупериферийных и периферийных стран, и чем успешнее будет протекать этот процесс, тем быстрее будет идти ее периферизация. При помощи системы санкций государства ядра сталкивают Россию на уровень периферии. Санкции душат технологическое развитие и принуждают ее экономику опускаться в начальные звенья товарных цепочек полупериферийных и периферийных экономик. Есть опасность, что даже на уровне стран БРИКС Россия окажется поставщиком природных ресурсов.

Геокультура. Основоположник миросистемного подхода понимал «слово “культура”... как систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убеждать членов общества в его легитимности» [Валлерстайн 2003: 142]. Он считал ошибочным понимание национальных культур как последовательных, хорошо определенных и относительно неизменных моделей поведения. Согласно И. Валлерстайну, это «скорее сконструированные и постоянно перестраиваемые мифологии» [Валлерстайн 2003: 160]. Интегрируемые в миросистему общества адаптируют «мифологии» своих национальных культур к «мифологии» глобального уровня — геокультуре.

Геокультура, или центристский либерализм является набором идей, ценностей и норм, сформировавшихся после Французской революции (1789 г.) и нашедших свое отражение в сфере государственности, гражданства и историко-социальных наук в виде трех направлений идеологии Модерна — консерватизма, либерализма и социализма. Признавая идею прогресса, национального государства, свободы, приоритета науки, массового образования, данные идеологии предлагают в своих политических программах разные механизмы адаптации к неизбежным изменениям, диктуемым временем. Консерватизм выступает за сдерживание уравнивающих членов общества тенденций. Социализм, напротив, стремится к быстрому, революционному разрушению построенных на неравенстве структур. Либерализм декларирует изменения «с правильной скоростью», когда принимаемые решения являются результатом интеллектуального анализа специалистов [Валлерстайн 2003: 144-145]. Каждая из идеологий обещает массам построение «хорошего» общества, однако в действительности оказывается «инструментом при помощи которого “усмиряются” “опасные” классы» [Валлерстайн 2003: 65]. Будучи средством символического контроля, геокультура как открыто, так и скрыто ограничивает и направляет социальные действия классов интегрируемых в миросистему обществ.

Россия имеет опыт воплощения всех трех проектов геокультуры. Превратив Россию в эпоху Екатерины II в «житницу» Европы, российская элита тесно связала себя с ядром. В результате в XIX в. геокультура была быстро воспринята имевшими доступ к образованию классами Российской империи. Как отметил Дж. Корхонен относительно идеологий Османской и Российской империй, геокультура «присвоила и выпотрошила» альтернативные идеологии, столкнувшись с ними на границах ядра [Korhonen 2023: 53]. Представление о неизбежности социальных изменений питало русский радикализм, нашло отражение в проектах консервативного (А.С. Шишков, С.С. Уваров,

М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров) и либерально-правового (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев и др.) течений.

В данном контексте победа советского проекта «хорошего» общества в России может быть понята как распространение в массах геокультуры, т.е. тех общих ценностей, которые были актуальны для эпохи и продвигались ядром миросистемы¹. Это обстоятельство усиливало интеграционный потенциал СССР в странах третьего мира, перед которыми стояла задача выбора пути развития в условиях быстрых и радикальных изменений, а также острой необходимости во внешней помощи. Следует отметить, что расширение системы социализма укрепляло роль русского языка как средства международного общения, способствовало изучению русской культуры, внедрению советской системы образования и т.д.

После распада СССР проектом «хорошего» общества в России становится либерализм – идеология ядра, обосновывающая расширение миросистемы и декларирующая свободное движение капитала. Можно задать вопрос, почему этот период, обеспечивший российским элитам материальное благополучие, оказался непродолжительным? Какой объективный процесс привел к отказу от либерализма? Не погружаясь в сложные связи конкретных событий, отметим макропроцесс, который предопределил отказ политической элиты от идеологии либерализма. Россия – территориально обширная, богатая ресурсами держава. Согласно геополитической теории Р. Коллинза, ее динамика подчиняется принципу, утверждающему, что «преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз 2015: 82]. Россия встраивалась и накапливала ресурсы, но желанные рычаги управления интеграционными процессами и расширения территориального влияния были не в руках Москвы. Стратегия встраивания одновременно и питала геополитические устремления российской политической элиты, и противоречила им. Отдав предпочтение геополитическим рычагам интеграции, Россия встала в оппозицию к ядру, и, как следствие, либеральная «мифология» перестала быть эффективным инструментом адаптации российского общества к быстро меняющейся современности.

Основания современного российского консерватизма уходят корнями в русскую историософскую мысль, возникшую в 1920-х гг. в среде эмигрантов. Одно из центральных мест в современной политической доктрине занимает идея консолидации славяно-тюркских народов евразийского пространства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин и др.). В сравнении с советской идеологией современная политическая доктрина обладает меньшим интеграционным потенциалом. Во-первых, обращает на себя внимание то, что евразийство было использовано элитами бывших советских республик как идеологическое основание, которое позволяло объяснять их историческое единство и будущие взаимосвязи вне идеологии марксизма, но, в отличие от советской идеологии, оно не стало частью мировоззрения широких масс. При этом использование евразийства для объяснения интеграционных процессов вело к подстраиванию учения русских философов под политическую конъюнктуру и утрате его базовых идей. С позиции миросистемного подхода евразийство является антисистемной идеологией. Однако в эпоху господства либеральной доктрины потребность встраивания России в мировую экономику вынуждала авторов исключать из своих работ идею противостояния Западу, который, по мысли евразийцев, «пытается окружить Россию

¹ Сравнение идей либерализма и социализма см. [Валлерстайн 2003: 53].

заставами» [Сувчинский 1921]. Например, в монографии «Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты» отмечено, что, «укореняясь в своей евразийской культурно-национальной почве и храня свое евразийское достоинство, мы гораздо более нужны и важны Западу, чем в роли подражателя» [Иванов и др. 2007: 33].

В период обострения противоречий с Западом и началом СВО в российской консервативной доктрине нивелируется евразийская идея «братания» народов разных культур на основе многовековой исторической общности. Во-вторых, для периода становления советской системы марксизм был современным, развивающимся учением, на основе которого была создана идеология мирового масштаба. Идеи марксизма получили развитие во многих направлениях современной социальной науки. Евразийство, несомненно, имеет большую ценность для русской философии и культуры. Однако оно длительное время не было востребовано, его идеи не получили развития в соответствии с современными стандартами научного знания. Сторонники евразийства должны поставить перед собой задачу интерпретации наследия своих великих предшественников на основе современного уровня социальной науки. Такая идея была высказана О.В. Плебанек. В статье «Есть ли шанс у евразийского симулякра?» она справедливо указывала на «возможность рассмотреть эту концепцию исходя из новых подходов, включая весь методологический арсенал современного социально-гуманитарного знания» [Плебанек 2022: 231].

Власть. Встав на путь построения социалистического общества в 1917 г., революционная Россия начинает развитие в русле стратегии разрыва с миром, которая сопровождалась сменой элит. Для построения нового, первого в мире социалистического общества нужна была новая элита. Следует отметить, что отвергнутая революционной Россией имперская элита и современная элита имеют общие черты. Во-первых, стремление к вывозу товаров (хлеб, нефть, газ, металлы и т.д.) без учета потребностей внутреннего рынка может показаться традиционным свойством российской экономической элиты. Согласно миросистемному подходу эта общая черта объясняется не культурной составляющей, а тем, что и элита имперской России, и современная элита выросли на сетях неравного обмена с ядром. Элиты этих двух исторических периодов сформировались в условиях встраивания, и фраза, приписываемая царскому министру И.А. Вышнеградскому: «сами недоедим, но вывезем», выражает сущность их экономического поведения.

Во-вторых, миросистемный подход указывает на формирование разрыва между элитой и широкими массами в условиях притока в экономику капитала из ядра. Такой разрыв просматривается в характеристиках элит двух эпох. В работе «Памяти Герцена» В.И. Ленин, характеризуя наиболее прогрессивных представителей русского дворянства – декабристов, отметил: «Страшно далеки они от народа» [Ленин 1968: 550]. Эта знаменитая ленинская фраза сегодня актуальна, она поднимает вопрос о причинах и уровне сформировавшегося не за столетия, а за последние три десятилетия разрыва между современной российской элитой и народом. С позиции миросистемного подхода причина заключается в том, что приток иностранного капитала дал возможность элитам встроиться в систему производства и распределения капитала расширяющейся мир-экономики и занять по сравнению с широкими массами более выгодные позиции [Bergesen, Bata 2002]. Разрыв связей с ядром в современной России, в отличие от России революционной, был

вынужденным и произошел без смены элит, но спровоцировать весьма опасный для стабильности власти их раскол он может.

С началом в 2022 г. СВО произошел отток иностранного капитала из российской экономики, был нанесен значительный ущерб экономической элите России, и поставлены под удар международные резервы, созданные государством. Одновременно в результате роста военных затрат ресурсы пошли внутрь страны. В условиях оппозиции к глобальной системе наметилась тенденция к солидарности классов. Президент России В.В. Путин неоднократно в своих выступлениях заявлял о необходимости сокращения социального неравенства, о необходимости следовать принципу социальной справедливости¹. Правительство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, и министр финансов А. Силуанов объяснил это ответом на запрос широких масс на социальную справедливость². Более того, В.В. Путин осудил представителей экономической элиты, которые «в предыдущие годы набили карманы за счет всяких процессов в экономике 90-х»; настоящей российской элитой президент справедливо назвал «тружеников и воинов»³. Несомненно, президент прав, отметив заслуги данных категорий населения перед современным российским государством. Однако ожидание значительных изменений в составе тех групп, которые в социологии и политологии принято называть элитами, было бы ошибочным. Не планируется и пересмотр результатов приватизации. Возврат государству активов ряда предприятий после начала СВО происходил в тех случаях, когда был «прямой ущерб безопасности страны и национальным интересам»⁴. В целом, сегодня можно наблюдать, как государство, которое еще относительно недавно поддерживало экономическую элиту, теперь балансирует на классовых противоречиях. Нестандартная ситуация СВО, с одной стороны, парализовала зависимую от государства экономическую элиту, а с другой — активизировала широкие массы, которые призваны государством к защите Отечества, но еще не успели осознать свои политические интересы. Подобная ситуация балансирования политической элиты на межклассовых противоречиях описана в статье К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта»⁵.

Следует отметить, что раскол элит сыграл важную роль в гибели советской системы. В СССР экономической элитой были представители военно-промышленного комплекса. Как отметил Р. Коллинз, это была фракция «аристократов», чья материальная собственность защищается государством и кто перекладывает бремя извлечения [ресурсов] на другие классы» [Коллинз 2015: 106]. Чрезмерные затраты на военные нужды создали ситуацию фискального кризиса и привели к межэлитному расколу с фракцией, которая была

---

¹ Путин: социальная справедливость станет одним из принципов развития экономики России. — *ТАСС*. 17.06.2022. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/14953975> (проверено 12.07.2024).

² Силуанов: прогрессивная шкала НДФЛ должна затронуть только граждан с высокими доходами. — *ТАСС*. 20.05.2024. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/20851687> (проверено 10.07.2024).

³ Участников СВО Путин назвал подлинной элитой. — *Interfax*. 29.02.2024. Доступ: <https://www.interfax.ru/russia/948380> (проверено 07.06.2024).

⁴ Путин заявил об отсутствии пересмотра приватизации в России. — *Ведомости*. 25.04.2024. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/04/25/1034184-putin-zayavil> (проверено 07.06.2024).

⁵ К. Маркс пишет: «Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого» [Маркс 1980: 515].

заинтересована в «фискальном здоровье государства» [Коллинз 2015: 106]. Предпринятая в 1991 г. военно-промышленной фракцией попытка переворота разрушила государственную власть. В последующий период военно-промышленная элита больше не имела такого политического веса.

С позиции миросистемного подхода предпосылкой раскола элит на современном этапе может стать снижение статуса Москвы как мирового центра, связывающего Россию с мир-экономикой. После распада СССР Москва стала не только главным звеном в цепке российской экономики с глобальными товарными цепочками (*global commodity chains*) [Hopkins, Wallerstein 1986: 159; Commodity Chains... 1994] и мировыми городскими сетями (*world city networks*) [Brown et al. 2010], она связала крепким узлом сконцентрированный здесь российский капитал и политическую власть. После бурных 1990-х гг. центральной российской власти удалось остановить распад страны, а московский капитал постепенно подчинил экономическое пространство внутренних российских периферий. Сосредоточенные в Москве элиты контролировали все стержневые связи огромной страны с миросистемой, управляли потоками финансов и товаров, адаптировали и распространяли общемировые образцы организации и управления производством, потреблением и т.д. Разрыв контролируемых Москвой товарных цепочек и сетей обмена с ядром нанес удар по ее статусу как одного из крупнейших мировых центров концентрации капитала, а также центра, организующего жизнь в российских регионах. Выросшие при стратегии встраивания центральные и региональные элиты оказались в нестандартной ситуации, когда связывающий их с миросистемой столичный центр перестал выполнять свои функции. Иными словами, «рука Москвы» разрушила привычные для них связи и стала выстраивать порядок, основанный на противостоянии с источником их благополучия. Представители российского бизнеса вынуждены искать замену утраченным связям, а следовательно и центры, которые продолжают придерживаться порядка, установленного ядром миросистемы. Ярким примером этому может послужить заявление В. Потанина о планах перенести мощности «Норникеля» в Китай¹. В сложившихся условиях нельзя исключить не только опасность раскола элит, но и угрозу очередного витка деиндустриализации экономики России.

Заключение. Надо признать, высота миросистемных обобщений заставляет жертвовать деталями, которые ускользают из фокуса имеющейся на сегодняшний день оптики. Однако ряд выводов можно сделать. Современная Россия уступает СССР в силе интеграционного потенциала, и этому есть объективные причины. Во-первых, Советский Союз имел внутренний экономический драйвер интеграции – необходимость создания относительно автономной системы разделения труда. Успеху интеграционных процессов СССР способствовала внешняя ситуация, в результате распада колониальной системы происходил отток капитала ядра из мировой периферии. Экономический успех постсоветской России, напротив, зависел от того, как эффективно она способна бороться за наиболее благоприятную нишу в международной системе разделения труда и вытеснять из нее конкурентов. Внешние условия не способствуют созданию широкого антисистемного блока, поскольку масштабный отток капитала из неядерных зон не наблюдается.

---

¹ Потанин сообщил о планах перенести мощности Медного завода в Китай. – РБК. 22.04.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/662632909a79470669937398> (проверено 07.06.2024).

Во-вторых, идеология Советского Союза была продолжением одного из направлений геокультуры, а следовательно, идеи и ценности, которые она в себе несла, соответствовали эпохе и обладали всемирным значением. Идеи евразийства таким масштабom не обладают, но могут служить одним из оснований формирования идентичности российских граждан.

В-третьих, разрыв сетей неравного обмена с ядром революционной Россией сопровождался не только оттоком капитала, но и сменой элит. Современный разрыв России с ядром является результатом противоречий стратегии встраивания, он чреват опасным для стабильности власти расколом элит.

Список литературы

Балибар Э., Валлерстайн И. 2003. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос-Альтера; Ессе Номо. 272 с.

Валлерстайн И. 2015. *Мир-система Модерна*. Т. 1. *Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 552 с.

Валлерстайн И. 2018. *Мирсистемный анализ: Введение*. М.: УРСС; ЛЕНАНД. 304 с.

Валлерстайн И. 2003. *После либерализма*. М.: Едиториал; УРСС. 256 с.

Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. 2007. *Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты*. Барнаул: Изд-во АГАУ. 243 с.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС; ЛЕНАНД. 504 с.

Ленин В.И. 1968. Памяти Герцена. — *Избранные произведения*. В 3 т. М.: Политическая литература. Т. 1. С. 545-550.

Маркс К. 1980. Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта. — *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения*. В 3 т. М.: Политиздат. Т. 1. С. 418-516.

Плебанек О.В. 2022. Есть ли шанс у евразийского симулякра? — *Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век*. СПб: Петрополис. С. 230-292.

Сувчинский П.П. 2021. Сила слабых. — *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София. Доступ: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (проверено 12.06.2024).

Хрущев А.Т. 1979. *География промышленности СССР*. М.: Мысль. 464 с.

Arrighi G. 1990. The Developmentalist Illusion: a Reconceptualization of the Semiperiphery. — *Semiperipheral States in the World-Economy* (ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein). N.Y.: American Sociological Association; Greenwood Press. P. 11-44.

Balibar E. 2022. Bifurcation in the “End” of Capitalism. — *The Global Left: Yesterday, Today, Tomorrow*. N.Y.: Routledge. P. 43-70.

Bergsten A.J., Bata M. 2002. Global and National Inequality: Are They Connected? — *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Is. 1. P. 130-142.

Brown E., Derudder B., Parnreiter C., Pelupessy W., Taylor P.J., Witlox F. 2010. World City Networks and Global Commodity Chains: towards a World-system's Integration. — *Commodity Chains and World Cities* (ed. by B. Derudder, F. Witlox). Oxford: Wiley- Blackwell. P. 15-41.

Commodity Chains and Global Capitalism (ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz). 1994. Westport: Praeger. 335 p.

Garcia A.S. 2017. Nonwestern Semiperiphery and Its Paradoxes: Reflections for Struggles in the 21st Century. — *Journal of World-Systems Research*. Vol. 23. Is. 2. P. 499-504.

Haas E. 1961. International Integration: the European and the Universal Process. — *International Organization*. Vol. 15. Is. 3. P. 366-392.

Hopkins T. K., Wallerstein I. 1977. Patterns of Development of the Modern World-System. — *Review*. Vol. 1. No. 2. P. 111-145.

Hopkins T., Wallerstein I. 1986. Commodity Chains in the World-economy Prior to 1800. — *Review*. Vol. 10. No. 1. P. 157-170.

Keohane R. 1988. International Institutions: Two Approaches. — *International Studies Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 379-396.

Korhonen J. 2023. Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives. — *World-systems Analysis at a Critical Juncture*. N.Y.: Routledge. P. 42-53.

Mitrany D. 1948. The Functional Approach to World Organization. — *International Affairs*. Vol. 24. No. 3. P. 350-363.

Turner J. 2010. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 1. *Macrodynamics*. N.Y.: Springer. 364 p.

Wallerstein I. 2023. *Thinking and Applying World-Systems Theory in the 21st Century* (ed. by F. Jacob). 2023. Transcript Publishing. 180 p.

Wallerstein I. 2000. *The Essential Wallerstein*. N.Y.: The New Press. 471 p.

IZGARSKAYA Anna Anatol'evna, Dr.Sci. (Philos.), Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva St, Novosibirsk, Russia, 630090; aizgarskaya@gmail.com)

INTEGRATION POTENTIAL OF MODERN RUSSIA IN CONFRONTATIONAL CONDITIONS WITH THE CORE OF THE WORLD-SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the problem of integration possibilities of Russia in the space of the modern world-system. The analysis of this problem is relevant in the context of solving the tasks repeatedly outlined by Russian President V.V. Putin to create a multipolar and more egalitarian world order. There was a comparative analysis of the integration possibilities of modern Russia and the Soviet Union. As a result, factors were identified that explain the differences in the strength of the integration potential of the Soviet Union and modern Russia. First, the Soviet Union had an internal economic driver of integration – the need to create a system of division of labor that was relatively autonomous from the capitalist world-economy. The flight of capital from the periphery during the collapse of the colonial system contributed to the success of the integration processes of the USSR. Unlike the Soviet Union, the economic well-being of modern Russia depends on the success of its struggle for the most advantageous niche in the international division of labor and the displacement of its competitors from it. External conditions do not contribute to the creation of a broad anti-systemic bloc, since there is no large-scale outflow of capital from non-core countries of the world system. Secondly, the ideology of the Soviet Union was a continuation of one of the directions of geoculture, consequently its ideas and values met the challenges of the time and had global significance. The ideas of Eurasianism do not have such a scale, but they can become one of the foundations for the formation of the identity of Russian citizens. Thirdly, the rupture of the networks of unequal exchange between revolutionary Russia and the core was accompanied by a change in its elites. Russia's current break with the core is the result of contradictions in the «embedding» strategy. It is fraught with a split in the elites that is dangerous for the stability of power.

Keywords: world-system approach, embedding, geoculture, Eurasianism, split of elites